

СМОЛЬНЫЙ 24—26 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

В конце октября 1917 года в составе уральской делегации я выехал в Петроград на II съезд Советов. Уже чувствовалось приближение новой революционной грозы, и многое из того, что произошло в те дни, врезалось в память на всю жизнь.

Через день или два после приезда в Питер я попал на совещание делегатов предстоящего съезда с руководителями старого ЦИК. Вожди меньшевиков и социалистов-революционеров, поднятые Февральской революцией, выступали на нем со своими, по сути дела, последними речами, всеми силами стараясь остановить грозные события, приближение которых они отчетливо понимали. Но они били лишь на чувства, пугая катастрофой, с которой встретится страна, если власть перейдет к Советам. Никакой положительной, а главное, действенной программы они не выдвигали, и это больше всего отталкивало от них слушателей. Мартов, выступавший от имени меньшевиков-интернационалистов, на словах был за власть Советов, но резко возражал против методов, которыми действуют большевики, то есть против реальной борьбы за эту власть. На этом совещании уже безраздельно властвовали большевистские ораторы.

Ход революции 1917 года, в полном соответствии с прогнозом большевиков, показал, что реально способны бороться за власть лишь рабочий класс и его авангард — партия большевиков. Поэтому программа меньшевиков и эсеров оказалась нежизнеспособной, и апелляция к чувствам осталась единственной возможностью для тех, кто не сумел подняться до сурового и ясного анализа событий.

На совещании, о котором я рассказываю, царил дух глубокого раскола. В этом расколе был теперь единственный путь спасения революции. Но это был путь через раскол к созданию потом, после прочной победы, последовательного революционного единства тех, кто готов отстаивать революцию до конца, с теми, кто готов принять совершившуюся революцию, сочувствовать и помогать ей. Так воспринимали сложившуюся обстановку многие из нас, большевиков — участников совещания, и это усиливало нашу веру в победу.

В Смольном большевистских делегатов немедленно после регистрации включали в работу по организации восстания. Меня в ночь с 24 на 25 октября направили в гарнизон Красного Села, настроения в котором вызывали опасения. Приехал я туда уже вечером и сразу направился в полковой комитет, где мне наотрез отказали в организации митинга. Я решил против мнения комитета не идти и солдат не будоражить. Я не имел никакой зацепки в солдатской массе и не знал ее настроения, поэтому выступление могло привести к отрицательному результату. Я просидел в полковом комитете до последнего поезда, и только убедившись, что настроение у членов комитета нейтральное и что в решающую ночь гарнизон ни в коем случае не выступит против нас, вернулся в Петроград, чтобы к открытию съезда быть на месте.

Утром 25 октября я встретил в коридоре Смольного старого партийца Филиппа Голощекина и узнал от него, что на заседании в актовом зале будет выступать Ленин. Я поспешил туда и здесь впервые увидел его...

Говорил он просто, ни в чем, даже самом малейшем, не ставя себя над массой, над слушателями. Его речь была сильна тем, что она отражала глубокую убежденность в правоте и в то же время обосновывала эту убежденность громадной силой аргументов. Ни одного слова, ни одного жеста, бьющего только на чувства. Речь была страстная и в то же время глубоко обоснованная анализом, аргументами.

На душе было необычайно радостно. Начинается эра такой организации человеческого общества, где не будет причин для взаимного отчуждения людей, где лучшие качества человека получают все условия для своего полного развития, где правда в историческом смысле этого понятия будет полностью совпадать с правдой в ее конкретном человеческом содержании. Что может дать бóльшую радость, чем участие в борьбе за победу, укрепление и развитие такого общества!..

Вечером в напряженной обстановке открылся II съезд Советов. Я был весь в состоянии огромного душевного подъема. Так началась эта исключительная по своему значению ночь.

Делегаты левого крыла съезда (левого по своей политической позиции, ибо места территориально не распределялись и каждый делегат или каждая группа делегатов садились на свободные места по своему выбору) были авангардом народных масс. Это были рабочие, солдаты, матросы, интеллигенты, близкие к этим массам, полные решимости стойко и беззаветно бороться за власть Советов. Весь Петроград был уже в руках Военно-революционного комитета, и только Зимний дворец с Временным правительством был окружен, но еще не взят.

На собрании большевистской фракции, которое состоялось за несколько часов до открытия съезда, легко и быстро прошли все предложения ЦК о конституировании съезда,— порядок дня, президиум и т. д. В бюро большевистской фракции съезда были

выбраны трое: Ларин, я, третьего не помню. Оно так ни в чем себя и не проявило. И это только к пользе дела. В такой острый момент было лучше, чтобы действовало непосредственно то ядро ЦК, в руках которого были все нити восстания. Решение о восстании принято, оно поддержано всем, что есть живого и влиятельного в партии. Все дело теперь в возможно более быстрых и всеохватывающих действиях. Бесполезно, а то и прямо вредно устраивать лишние заседания, лучше застраховаться даже от малейшего шанса двоецентриа. Насколько я помню, ни большевистская фракция съезда, ни бюро этой фракции формально ни разу не собирались. Происходили лишь совещания отдельных групп делегатов-большевиков по отдельным вопросам, возникавшим в ходе съезда...

Почти всеобщей была у нас в этот момент психология суровости, решимости не останавливаться перед крайними мерами, если это необходимо для победы, но всем нам хотелось избежать пусть хоть одной не абсолютно необходимой жертвы. Это объяснялось не только атмосферой общего душевного подъема, проявления лучших человеческих качеств, но и глубоким пониманием того, что наше теперешнее отношение не только к врагам, но и к колеблющимся, к заблуждающимся скажется на всем дальнейшем ходе первого в мире социалистического переворота.

Доклад Ленина о мире я слушал с напряженным вниманием. Все мы чувствовали и осознавали, что съезд от имени рабочих и солдат не только кончает с участием в империалистической войне, но и закладывает основы международных отношений нового типа, построенных на интернациональной солидарности трудящихся. Мы отдавали себе ясный отчет, сколь трудной будет борьба, которую мы теперь поведем дальше уже как социалистическое государство против еще гигантски сильного империализма. Поэтому я с глубоким удовлетворением отметил у Ленина сочетание последовательности в разрыве с империализмом и решение использовать малейший шанс для облегчения этого дела. Ленин в своем докладе сформулировал последовательно антиимпериалистическую программу мира, но сразу прибавил, что Советское правительство не считает свои условия ультимативными и готово вести переговоры и на иной основе.

Еще сильнее было впечатление от доклада о земле, в котором отразилось отношение большевиков к нуждам крестьян. Большевики в течение всех революционных месяцев делали попытки нащупать почву для создания отдельной организации сельскохозяйственных рабочих. Тогда могла бы появиться база для сохранения и немедленного развития после революции крупного сельского хозяйства. Что успех или неуспех в этом деле в огромной степени определит, насколько велики будут трудности, через которые пролетарской революции придется пройти после победы, было ясно всем. Но опыт показал, что в условиях тогдашней России пролетарская революция может победить, лишь взвалив на свои плечи тяжелую ношу мелкого земледелия, поскольку реальный

союз с крестьянством оказался возможным лишь на основе практически полного раздела помещичьей земли на мелкие и мельчайшие крестьянские наделы. И то, что Ленин построил Декрет о земле полностью на основе крестьянских наказов, вновь продемонстрировало всю силу его таланта.

Крестьяне сами сформулировали наиболее последовательную программу антифеодальной аграрной революции: национализацию земли и решительный «черный передел».

И вот на съезде у меня не исчезало чувство гордости за нашу партию, которая из правильного принципиального курса на крупное земледелие не сделала ни на минуту книжной, сектантской доктрины. Для меня было совершенно неоспоримо, что надо безо всяких колебаний идти на эту форму союза с крестьянством, хотя она, облегчая в громадной степени победу революции, в то же время создает ей исключительные трудности в деле закрепления победы социализма и решения его основных задач. Даже тогда, в октябре 1917 года, когда мы все были полны уверенности в непосредственной близости пролетарской революции в Европе, особенно в Германии, мы отдавали себе ясный отчет в этих трудностях. Мы понимали, что наше решение земельного вопроса, будучи гигантским прыжком вперед на данном этапе, в то же время создает противоречия исключительной силы, которые придется преодолевать в дальнейшем ходе революции. Сблизив и спаяв с социалистической революцией большинство крестьянства, окончательно отделив его от буржуазно-помещичьей контрреволюции, это решение в то же время ставило во весь рост проблему сроков и формы перехода крестьянской частновладельческой экономики к социализму, прямым переходом к которому в городе был рабочий контроль над производством.

В Петрограде восстание продолжалось одни сутки и было почти бескровным. Временное правительство фактически оказалось в условиях полной общественной изоляции. Большевистские агитаторы действовали среди солдат почти открыто. В Зимнем дворце остались лишь группы офицеров и юнкеров. Даже отражение контрвыступления юнкеров и казаков против победившего Питера стоило сравнительно малых жертв, и почти во всех рабочих центрах России большевики с первых же часов после получения сообщений из Петрограда стали полновластными хозяевами положения. Лишь в Москве кровопролитные бои шли целую неделю...

Но мы чувствовали себя в эти дни не только на гребне огромной русской революционной волны, мы были убеждены, что ее движение и на запад, и далеко на восток стало неотвратимым и быстрым. Хотелось отдать все силы этому движению, вовлечь в него миллионы людей, преобразить их жизнь самым участием в борьбе. И вместе с небывалым подъемом энергии, неутолимой жаждой деятельности и всеохватывающей радостью от сказочного роста нашего влияния на массы людей, сказочного роста их самостоя-

тельности нарастало чувство огромной ответственности за то дело, которое мы, большевики, должны были теперь вести уже в качестве реальной правящей силы.

26 октября я долго ходил по улицам *нашего* Петрограда. Хотелось остаться наедине со своими мыслями. На душе было радостно и в то же время тревожно. Хватит ли у нас сил, ума, способностей, умения для того, чтобы выполнить наши обещания? Оправдаем ли мы надежды тех, кто дал нам власть, и тех, кто погиб, не дождавшись победы?.. Хотелось пристальнее взгляды-ваться в жизнь, глубже проверять ею каждый свой шаг.

*В дни Октября. Воспоминания участни-
ков Октябрьского вооруженного восста-
ния в Петрограде. Л., 1982, с. 312—319*